

Рагурам Раджан —
экономический
советник МВФ
и директор
Исследовательского
департамента МВФ.

Примем допущение об анархии?

Почему общепринятая
экономическая модель может быть
не лучшим руководством для
экономической политики

Рагурам Раджан

ИНСТИТУТЫ пользуются всеобщим вниманием. Отсутствие институтов — таких как эффективные и беспристрастные судебные органы, правовые системы защиты интеллектуальной собственности, эффективные и свободные от коррупции налоговые администрации и пользующиеся доверием центральные банки — предлагается в качестве объяснения некоторых из ключевых проблем развивающихся стран, в частности, для ответа на вопрос о том, почему в столь многих странах темпы экономического роста недостаточно высоки, чтобы преодолеть бедность.

Но, к сожалению, экономическая теория почти не содержит указаний о том, каким образом создаются и поддерживаются сильные институты. И если мы не станем лучше понимать это, простое повторение заклинания об «институтах» не сможет служить конструктивной рекомендацией по вопросам экономической политики для менее развитых стран, оставляя политическую арену открытой для других, более сомнительных взглядов. В настоящее время проводится множество исследований о происхождении институтов, в том числе о том, являются ли они формой проявления более глубинных сил. Однако мое внимание здесь сосредоточено на том, почему большинство экономистов игнорировало эту проблему в прошлом. В частности, я хотел бы поинтересоваться, в какой мере такое невнимание следует отнести на счет канонической модели в экономической теории: модели совершенного рынка.

Примем допущение об идеальном мире

В этой теоретической модели, с которой каждый аспирант-экономист сталкивается в той или иной форме, все участники полностью информированы; каждая случайность предвидится в контрактах; соблюдение всех контрактов обеспечивается всеведущими, неподкупными судами; а правительства автоматически поставляют все общественные блага и не вмешиваются ни в какие частные дела. Ясно, что это — абстрактная модель даже в отношении развитых стран. И все же она считается полезной отправной точкой по ряду причин.

Во-первых, утверждается, что эта модель в существенных отношениях представляет собой разумную аппроксимацию действительности. Во-вторых, она выполняет полезную роль общего отправного пункта, отступления от которого — чем менее частые, тем лучше, — должны быть обоснованны. Такой подход систематизирует процесс научного исследования, не позволяя тем, кто мыслит оригинально, но беспорядочно,

получать результаты попросту благодаря неортодоксальным допущениям. Она дает экономистам возможность разговаривать друг с другом, а не с пустотой. Она помогает экономистам наблюдать последствия их излюбленного отступления от допущений модели совершенных рынков путем сравнения выводов, полученных с помощью модели, которая включает такое предположение, с выводами, полученными с помощью самой модели совершенных рынков. И она способствует обсуждениям и взаимопониманию (а также упрощает ссылки на научные публикации). В-третьих, эта модель поддается математической формализации и позволяет строить элегантные теоремы и доказательства.

Смысль построения моделей заключается в том, чтобы получать информацию о реальном мире, абстрагируясь от деталей, не имеющих отношения к рассматриваемой проблеме. Без моделей мы имели бы только описания. Но хотя некоторая степень абстракции полезна, грубая абстракция может сделать модель несостоятельной. И во многих ситуациях, по крайней мере в развивающихся странах, модель совершенных рынков слишком далека от реальности, чтобы быть полезной.

Возьмем, к примеру, вооруженные конфликты, от которых страдают многие бедные страны. Обычно считается, что они ведут к расточению ресурсов и, следовательно, являются экономически неэффективными. В парадигме совершенных рынков нет места конфлиktу: в условиях совершенных рынков мы попросту предвидели бы все возможные конфликтные ситуации и устранили бы их при помощи контрактов. Однако в действительности одна из важных причин продолжающихся конфликтов в некоторых странах заключается в том, что надежные механизмы для обеспечения соблюдения контрактов попросту отсутствуют. Военные диктаторы могут подписывать мирные договоры, зная, что они не будут соблюдены, и использовать последующий мирный период для подготовки к следующей войне. Как укрепить готовность противостоять хищничеству и обеспечить соблюдение контрактов на национальном уровне — важнейшие экономические проблемы. О них задумывались первые экономисты, такие как Хоббс и Лок. Однако, за немногими заслуживающими упоминания исключениями, экономисты игнорировали эти проблемы на протяжении многих десятилетий, возможно, отчасти потому, что многие из них получили образование в развитых странах, где модель совершенных рынков представляется несколько менее абсурдной. И лишь недавно экономисты вернулись к этим вопросам.

Хотя в определенных обстоятельствах данная модель может служить полезной абстракцией, при универсальном применении она ограничивает мыслительный процесс, в частности, из-за того, что в ней не учитываются издержки, связанные с заключением контрактов и обеспечением их соблюдения. Требование к ортодоксальным экономистам оставаться в пределах нескольких стандартных отклонений модели может сильно уменьшать их способность сосредоточивать внимание на том, что имеет существенное значение в условиях, отличных от тех, которые привели к созданию этой модели. Я говорю это даже несмотря на то, что несколько важных «прорывов» в экономической теории за последние три десятилетия было связано с одношаговыми отступлениями, такими как предположение о том, что не все располагают одинаковой информацией (известное на профессиональном жаргоне как «асимметрическая информация»), или о том, что экономическая деятельность осуществляется организациями, работники которых могут не разделять целей этой организации (известное на как «агентские отношения»).

Плохое руководство для экономической политики

Одна из проблем использования моделей, находящихся в пределах нескольких стандартных отклонений от модели совершенных рынков, в качестве руководства для разработки и проведения экономической политики в бедной стране заключается в том, что решения могут показаться более простыми, чем они есть на самом деле. Например, в этих странах некоторые контракты негибки или отсутствуют. Поверхностная рекомендация по экономической политике, вытекающая из модели — призыв к повышению гибкости или созданию недостающего контракта. Однако могут существовать гораздо более глубинные недостатки, которые необходимо устранить, чтобы разрешить проблему.

Например, негибкость трудовых контрактов — в частности, трудность увольнения работников — считается неэффективной, поскольку она не позволяет фирмам быстро реагировать на изменение экономических условий. Нередко эти запреты объясняют слишком сильными профсоюзами, которые держат экономику в заложниках. Но если суды медлительны и продажны, так что несправедливо уволенный работник не может получить возмещение ущерба, возможно, что запрет на увольнения — за нарушения которого можно столь легко и открыто проследить, — это единственный способ защитить работников от произвольных решений работодателей. Кроме того, постоянная работа может служить одной из форм социального обеспечения, необходимой потому, что правительство плохо обеспечивает социальную защиту, а частных страховых рынков не существует. Разумеется, эти объяснения умозрительны, истина, возможно, заключается в чем-то другом. Но моя идея состоит в том, что жесткие, неэффективные запреты на увольнения могут быть устойчивой ответной реакцией на целый ряд недостатков системы, многие из которых незаметно усиливают друг друга. Если это так, возможно, что профсоюзы пользуются мощной народной поддержкой из-за недостатков системы, а не служат причиной этих недостатков. Это не означает, что негибкие контракты не сопряжены с издержками, но означает, что для их изменения могут потребоваться коренные реформы.

Рассмотрим другой пример. Мелким предпринимателям в развитых странах часто приходится предоставлять имущество в качестве залогового обеспечения для получения ссуд-

ды. Малоимущие в развивающихся странах часто не имеют четкого правового титула на свои активы, такие как земля, на которой они проживают. Поэтому, предлагают некоторые аналитики, один из путей предоставить малоимущим доступ к финансированию — это наделить их четким правовым титулом. Однако, если очень многие другие механизмы не работают, реализовать это предложение на практике нелегко. Во-первых, каким образом приобретение прав собственности поселенцами скажется на слабой системе защиты существующей частной собственности? Какие злоупотребления неформальными способами установления прав собственности путем определения предшествующих владельцев конкретного объекта имущества будут совершаться, если местные бандиты и политики могут принуждать граждан к подчинению? Вместо того чтобы анализировать эффекты введения контрактов в условиях, когда работают все остальные механизмы, возможно, лучше было бы изучить эффекты введения законных контрактов в условиях, когда работоспособные механизмы отсутствуют. Наш анализ был бы более содержательным, если бы его отправной точкой было допущение об анархии, а не «чистые» условия совершенных контрактов.

Я не хочу сказать, что разработчики политики действительно анализируют проблемы, исходя из модели совершенных рынков. Разумеется, они делают поправки на реальность, с которой они сталкиваются. Но их мировоззрение, естественно, формируется под влиянием схем, которые они изучали. А поскольку эти схемы основаны на допущениях, в которых столь многое нереалистично, насколько уверены могут быть разработчики политики в своих рекомендациях?

Не призываю я и к неупорядоченному экономическому мышлению, основанному на «вседядном» подходе к теории. За последние полвека экономическая наука существенно продвинулась вперед, и многое из того, что мы узнали, очень важно. Пользующиеся уважением экономисты, такие как Оливер Харт и Джек Хиршлейфер, избежали «тиков» модели совершенных рынков, не поступаясь разумной экономической теорией. Однако большое число экономистов по-прежнему полагает, что существует только одна модель — модель совершенных рынков. Можно лишь подозревать, что привлекательность этой модели заключается в ее элегантности, а не актуальности.

Примем допущение об анархии?

Институциональное строительство — одна из областей, в которой международные финансовые организации и разработчики экономической политики учатся на опыте и руководствуются здравым смыслом для разработки практических подходов, не особенно полагаясь на советы ученых. И есть надежда, подкрепляемая растущим числом исследований, что все больше ученых, занимающихся вопросами развития, осознает, что лучшей отправной точкой анализа, возможно, является не мир, страдающий лишь мелкими недостатками, а мир, где нельзя обеспечить соблюдение никаких норм, права собственности и индивидуумов абсолютно ненадежны, а аппарат правоприменения для каждого контракта должен строиться на основе исходных принципов — мир, который так живо изобразил Хоббс. Такая работа не только позволит более точно отразить реальные условия в беднейших, страдающих от конфликтов странах, но и может привести к разработке более разумной экономической политики. ■